

На правах рукописи

ФЕДОРОВА ЕКАТЕРИНА ВИКТОРОВНА

**ТОЛКОВОЕ ЕВАНГЕЛИЕ ФЕОФИЛАКТА БОЛГАРСКОГО
В ДРЕВНЕЙШЕМ СЛАВЯНСКОМ ПЕРЕВОДЕ:
ЛИНГВОТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва

2017

Работа выполнена на кафедре русского языка филологического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Пентковская Татьяна Викторовна

Официальные оппоненты: **Пичхадзе Анна Абрамовна**
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела лингвистического источниковедения и истории русского литературного языка ФГБУН «Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН»

Вернер Инна Вениаминовна
кандидат филологических наук, доцент, научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований славянской книжности ФГБУН «Институт славяноведения РАН»

Ведущая организация: ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Защита диссертации состоится 14 июня 2017 года в 14 часов 30 минут на заседании диссертационного совета Д 501.001.19 при ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова» по адресу: 119992, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, МГУ имени М. В. Ломоносова, 1-й учебный корпус, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова» и на сайте филологического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»:

http://dissovet.philol.msu.ru/docs/2017_FedorovaEV_diss_10.02.01_19.pdf

Автореферат диссертации разослан « ___ » _____ 2017 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета
профессор

Е. В. Клобуков

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование посвящено анализу лингвотекстологических особенностей древнейшего славянского перевода Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского по славянским спискам к. XIV–XVI вв. с привлечением греческого оригинала.

Предметом исследования является древнейший перевод Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского (далее – ТЕ-1), представляющего собой евангельский текст в сопровождении богословского комментария, в основу которого были положены толкования Иоанна Златоуста. Первый славянский перевод был выполнен до 1117, на что указывает присутствие в Мстиславовом Евангелии пояснительных прибавлений, взятых из толкований Феофилакта Болгарского¹.

Целью диссертационного исследования является лингвотекстологическое изучение древнейшего славянского перевода ТЕ, определение особенностей переводческой техники, сопоставление с материалом как других редакций евангельского текста, так и с небогослужебными домонгольскими переводами для выявления положения ТЕ-1 в вышеозначенном книжном круге памятников письменности.

Достижение этих целей требует решения следующих **задач**:

- 1) Сопоставить списки древнейшего славянского перевода ТЕ с опубликованным греческим текстом ТЕ, выявить разночтения между ними и установить их первичность / вторичность;
- 2) определить количество славянских редакций древнейшего перевода ТЕ;
- 3) проанализировать древнейший славянский перевод ТЕ на различных языковых уровнях, установить принципы, которыми руководствовался переводчик;
- 4) сопоставить перевод ТЕ-1 по ряду рассмотренных параметров с языком как других редакций евангельского текста, так и с небогослужебными домонгольскими переводами;
- 5) Обозначить положение ТЕ-1 в вышеозначенном книжном круге памятников письменности.

¹ *Воскресенский Г. А.* Характеристические черты четырёх редакций славянского перевода Евангелия от Марка по ста двенадцати рукописям Евангелия XI–XVI вв. М.: Университетская типография, Страстной бульвар. 1896 г. С. 279.

Метод исследования – комплексное лингвотекстологическое исследование с выявлением редакций ТЕ-1, их изучение на лексическом, словообразовательном, морфологическом и синтаксическом уровнях с установлением специфики переводческой техники, точный подсчёт случаев отражения некоторых выявленных примечательных языковых особенностей с целью классификации полученных результатов.

Актуальность исследования обусловлена отсутствием больших комплексных исследований древнейшего перевода ТЕ, поэтому его изучение в объёме всего Четвероевангелия должно способствовать созданию цельной картины переводческих особенностей ТЕ-1, что позволит более точно установить возможные родственные связи с другими переводами домонгольского периода.

Научная новизна исследования состоит в целостном рассмотрении лингвотекстологических особенностей ТЕ-1 в объёме всего Четвероевангелия и приведении статистики в объёме каждого евангелия в отдельности. В предшествующей литературе рассматривались разрозненные лингвистические аспекты; так, например, синтаксические особенности непосредственно в отношении ТЕ-1 не исследовались вовсе, а выводы зачастую строились на фрагментарном (изолированном) материале.

Теоретическая значимость исследования заключается в получении новых данных, способных более точно обозначить положение ТЕ-1 в домонгольском книжном круге памятников письменности, в реконструкции хода работы над так называемыми толковыми переводами и в полученном выводе об одном восточнославянском переводчике ТЕ-1. Кроме того, установлено, что ТЕ-1 по целому ряду параметров является предшественником так называемых правленных редакций к. XIII–XIV вв.

Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы в курсах истории русского литературного языка, истории церковнославянской книжности, истории перевода, при составлении исторических словарей русского языка.

Материалом исследования послужило 17 славянских списков ТЕ к. XIV–XVI вв., хранящихся в библиотеках Москвы (РГБ, РГАДА) и Санкт-Петербурга (РНБ).

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Существует две основные группы списков ТЕ-1: ТЕ-1а – собственно первичный перевод, выполненный до 1117 г., и ТЕ-1б – текст, подвергшийся правке по афонской редакции, при которой преславские лексемы устраняются, однако перевод

толкований во второй группе списков часто остаётся незатронутым редактурой; они могут отражать некоторые особенности, присущие архетипу перевода (например, сохранять лексические русизмы или формы настоящего исторического).

2. Перевод толкований и перевод-редактура основного текста выполнены одним переводчиком, так как имеется целый ряд совпадений на лексическом и синтаксическом уровнях.

3. В библейском тексте ТЕ-1а представлены не все переводческие принципы, отражённые в тексте толкований, однако несомненно, что при переводе-редактура евангельского текста привлекался греческий оригинал, так как некоторые его особенности отражаются не только в переводе толкований; в ТЕ-1b стабильным текстом, напротив, является именно евангельский текст, подвергшийся правке по афонской редакции.

4. ТЕ-1 имеет в своей основе некоторые черты древнего и преславского текста. В ТЕ-1а в выборе между грецизмом, кирилло-мефодиевской лексемой и преславизмом предпочтение отдаётся преславизму как наиболее прозрачно отражающему структуру сложносоставной греческой лексемы. Вариативность 'кирилло-мефодиевская лексема / преславизм' может быть обусловлена разграничением нескольких значений одной греческой лексемы. Кроме того, в ТЕ-1 содержатся преславизмы, совпадающие с восточнославянским узусом, а также лексемы, более частотные на восточнославянской почве.

5. ТЕ-1 выступил как предшественник правленных редакций евангельского текста в стремлении к достижению одинакового количества слов в славянском и греческом текстах в некоторых случаях и в тенденции к поморфемному переводу.

6. Восточнославянский компонент присутствует и в евангельском тексте, и в толкованиях во всех рассмотренных списках. Это свидетельствует о том, что он восходит к архетипу перевода. Наличие одного переводчика позволяет сделать вывод, что перевод в том виде, в котором он дошел до нас в ТЕ-1а – восточнославянский по происхождению.

Апробация результатов исследования. Результаты, изложенные в настоящей диссертации, обсуждались и были опубликованы в трудах и тезисах пятнадцати конференций: на XVI Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2009» (МГУ), XII Межвузовской научной конференции

студентов-филологов (СПбГУ), XVII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2010» (МГУ), XIII Межвузовской научной конференции студентов-филологов (СПбГУ), XVIII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2011» (МГУ), XIV Международной научной конференции студентов-филологов (СПбГУ), II Международном научном симпозиуме «Славянские языки и культуры в современном мире» (МГУ, 21–24 марта 2012 г.). Международном научно-образовательном семинаре «III Римские Кирилло-Мефодиевские чтения (Москва-Рим-Флоренция)» (Флорентийский университет, Италия, 4–9 февраля 2013), Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы обучения иностранным языкам и переводу» (Киев, КГЛУ, 2013), XX Международной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2013», VII Международной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси» (Москва, Институт российской истории РАН, Россия, 2013), Ежегодной научной конференции Polyslav XVII (Киев, 11–14 сентября 2013 г.), XXII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2015» (Москва, 13–17 апреля 2015), III Международном научном симпозиуме «Славянские языки и культуры в современном мире» (МГУ имени М. В. Ломоносова, 23–26 мая 2016), XXIV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2017» (Москва, 10–14 апреля 2017).

Структура диссертации. Диссертация состоит из Введения, трёх глав, первая из которых состоит из VIII подглав, вторая – из V, третья – из IV, Заключения, списка рукописных источников, списка сокращений, списка литературы и Приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** к диссертации определяются цели и задачи исследования, даётся список исследуемых источников. Указывается на факт существования двух переводов Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского – древнейший, выполненный до 1117 г., и южнославянский, получивший распространение в XIV в. Даётся краткий обзор работ, затрагивавших рассмотрение ТЕ-1: в разработку истории вопроса перевода ТЕ внесли вклад И. Е. Евсеев, А. И. Соболевский, А. А. Алексеев, М. Б. Бабицкая, А. А. Пичхадзе, Т. В. Пентковская. Кроме того, во Введении рассматривается деление новозаветного текста на редакции, предложенное Г. А. Воскресенским, а впоследствии уточнённое научным коллективом, возглавляемым А. А. Алексеевым, и обос-

вываается необходимость сопоставления переводческих особенностей ТЕ-1 с переводческими принципами текстов других редакций евангельского текста. Также подчёркивается необходимость определения места данного перевода среди небогослужебных переводов домонгольского периода: на основании проведённого исследования около 30 переводных памятников домонгольского периода А. А. Пичхадзе было выделено две группы текстов, к первой из которых были отнесены памятники, сочетающие исконные южнославянизмы и русизмы: Хроника Георгия Амартола, Житие Феодора Студита, Повесть о Варлааме и Иоасафе, Христианская топография Козьмы Индикоплова, а также сюда примыкают Пандекты Никона Черногорца и толковые переводы с Беседами на Шестоднев Севериана Гавальского. Во вторую группу входят тексты, не содержащие или со спорадическим употреблением южнославянизмов: Александрия, Житие Андрея Юродивого, Повесть об Акире Премудром, Пчела, История Иудейской войны, Чудеса Николы и Студийский Устав – тексты, которые могут быть «с уверенностью атрибутированы восточнославянским переводчиком»². Несмотря на подобную группировку, в исследовании отмечается, что толковая подгруппа стоит особняком среди переводов первой группы, хотя между ними и подгруппой Хроники Георгия Амартола и существует отдалённое сходство³. Кроме того, не все южнославянизмы, характерные для данной группы толковых переводов (например, *нскръ*, отмеченное в первом переводе Толкового Апостола (далее – ТА-1) и Толкованиях Никиты Ираклийского на 16 Слов Григория Богослова⁴), встречаются в ТЕ-1 или имеют такое же распределение. Это ставит вопрос о необходимости более детального исследования в частности и лексического состава ТЕ-1, и места данного перевода среди переводов домонгольского периода.

Кроме того, во Введении в подразделе «Текстологические особенности» даётся текстологическая характеристика исследуемых списков ТЕ-1.

Первая глава «Лексические особенности ТЕ-1» посвящена анализу лексики ТЕ-1 в сопоставлении с другими редакциями евангельского текста, а также с небогослужебными домонгольскими переводами.

² Пичхадзе А. А. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М., 2011. С. 350.

³ Там же. С. 351.

⁴ Там же. С. 251.

I.1. В ТЕ-1а представлена некоторая часть преславских лексем, характерных как для восточноболгарского, так и для древнерусского узуса. Употребление ряда преславизмов объединяет текст ТЕ-1 с чудовской редакцией, где также достаточно частотны некоторые преславизмы, однако там, где на месте преславской лексемы может быть употреблён грецизм, в чудовской редакции используется грецизм. В ТЕ-1а в выборе между грецизмом и преславизмом предпочтение отдаётся преславизму, калькирующему структуру греческой лексемы.

I.2. Кроме того, в ТЕ-1 представлено несколько восточноболгарских лексем, чуждых древнерусскому узусу: въ рѣснотоу⁵, кыѣнне, оплазнвѣн, прѣзорство, порѣкатн⁵. Однако выражение въ рѣснотоу ‘поистине’ является исключительно переводческим решением для греческого наречия κυρίως ‘справедливо’, так как греческие лексемы с корнем -ἀληθ- передаются славянским корнем -нстн-.

Восточноболгарская лексема тѣскъ ‘грязь’, отмеченная в ТЕ-1 А. А. Пичхадзе в Великих Минеях Четых (столбец 1231), на самом деле приходится на интерполяцию из толкового перевода Песни Песней, на присутствие которой указывалось ещё А. А. Алексеевым⁶. Позднее было установлено, что наличие интерполяции – это характерная особенность второй редакции ТЕ-1 от Луки⁷.

Употребление лексем кыѣнне, оплазнвѣн, прѣзорство, порѣкатн не представляет собой чёткой системы, они появляются спорадически, не во всех четырёх евангелиях. Кроме того, существительное прѣзорство вряд ли можно рассматривать в качестве яркого маркирующего восточноболгарского элемента: оно представлено во многих текстах древней редакции евангельского текста, а также в Чудовском Новом Завете⁸. Интересно, что для греч. корня -τιφ-, помимо основного соответствия -грѣд- и споради-

⁵ Пичхадзе А. А. Указ. соч. С. 69–70.

⁶ Алексеев А. А. К истории русской переводческой школы XII в. // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1988. Т. XLI. С. 180.

⁷ Индыченко А. А. Лингвотекстологическое исследование Толкового Евангелия от Луки Феофилакта Болгарского. Дипломная работа. М., 2011. С. 104.

⁸ Воскресенский Г. А. Евангелие от Марка по основным спискам четырёх редакций рукописного славянского евангельского текста с разночтениями из ста восьми рукописей Евангелия XI–XVI вв. Сергиев Посад: 2-я типография А. И. Снегиревой в Сергиевом Посаде Московск. губ., 1894. С. 222–223.

ческого восточноболгарского -кѣч-, один раз встречается перевод лексемой пыщенне, продолжение значения которой можно найти только в западославянских языках, а также в вологодском говоре⁹. С одной стороны, в употреблении данных восточноболгаризмов, не совпадающих с древнерусским узусом, ТЕ-1 сходно с двумя домонгольскими переводами, содержащими южнославянизмы и русизмы, – Толкованиями Никиты Иракийского на 16 Слов Григория Богослова и Беседами на Шестоднев Севериана Гавальского. С другой стороны, довольно регулярное употребление кирилло-мефодиевской лексемы поносѣти сближает ТЕ-1 с подгруппой Хроники Георгия Амартола, в текстах которой также сочетаются южнославянизмы и русизмы, но её отличает ориентация на кирилло-мефодиевский узус.

Однако лексические предпочтения ТЕ-1а не во всём сходны с преславскими текстами.

1.3. Так, в ТЕ-1 не встречается преславское прилагательное *пронзырнвъ*: в соответствии с греческим *ποιηρός* наблюдается варьирование лексем *злын* и *лоукавын*, но преобладает, в частности, в толкованиях, вариант *лоукавын*, что является устойчивой чертой всех правленных редакций. Это отличает ТЕ-1а и от чудовской редакции, где, наряду с преобладающим использованием лексемы *лоукавъ*, употребляется преславизм¹⁰. Однако в толкованиях один раз зафиксировано производное существительное *пронзырьство*. Точно такая же ситуация представлена в домонгольском древнерусском переводе Жития Василия Нового: там греч. корень -*ποιηρ*- регулярно переводится корнем -*лоукав*-, и один раз также встречается лексема *пронзырьство*¹¹. Кроме того, в ТЕ-1 используется почти исключительно охридский послелог *радн*, преславский эквивалент *дѣла* встречается спорадически. В соответствии с греч. *ἡ ζωή* в ТЕ-1 наиболее

⁹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х тт. Т. IV. М.: Прогресс, 1987.

¹⁰ Пентковская Т. В. К истории исправления богослужебных книг в Древней Руси в XIV веке: Чудовская редакция Нового Завета. М.: МАКС Пресс Москва, 2009. С. 37–43.

¹¹ Пентковская Т. В. Житие Василия Нового на фоне лингвистической группировки домонгольских переводов с греческого // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова: История русского языка и культуры. Памяти Виктора Марковича Живова. Т. IX. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2016. С. 99.

часто используется вариант жнвотъ, характерный для древних и восточнославянских текстов¹²; особенностью преславских текстов было употребление лексемы жнзнь¹³.

В I.4. рассматриваются черты ТЕ-1 как предшественника правленных редакций.

Греческое τὸ πλῆθος переводится в ТЕ-1 как множество, а не народъ, как в кирилло-мефодиевских текстах, – таким образом разграничиваются синонимические греческие лексемы ὁ ὄχλος ‘народ’ и τὸ πλῆθος ‘толпа’.

Для ТЕ-1 характерно регулярное соответствие славянского корня -лѹкв- греческому корню -ποιηρ-, тогда как в древних редакциях использовалось соответствие -зъл-. Подобная передача корня встречается и в текстах древней и преславской редакций, но именно в правленных редакциях богослужебных текстов наблюдается «экспансия варианта лжквзын для перевода греческого ποιηρός»¹⁴.

II.1–2. В ТЕ-1 представлено минимальное количество древних грецизмов: скаывается стремление переводчика вместо использования лексических грецизмов калькировать внутреннюю структуру греческого слова там, где это возможно.

II.3. Вместе с тем ТЕ-1а был расширен набор лексических грецизмов, некоторые из них впоследствии будут характерны только для чудовской редакции (грамота, сннапъзын).

II.4. Наличие отдельных вторичных грецизмов в ТЕ-1b соответствует словупотреблению афонской редакции (например, алектѹръ).

II.5. ТЕ-1 характеризует наличие некоторых грецизмов-гапаксов, не отмеченных словарями, в том числе неосвоенных иноязычных вкраплений: δεκαλιτρονъ ‘весом в десять литров’, фаль ‘мелкая монета’, *αρθορъ ‘артикуль’, ερα – αἶρα ‘плевел’, οροвошь – ὄροφος ‘вика, турецкий горох’, вромнонь – βρώμιον ‘дикий овёс’, ανавεινν – ἀναβαίνει (praes. 3 Sg.) ‘поднимается’.

¹² Львов А. С. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М.: Наука, 1966. С. 106–109; Пичхадзе А. А. Указ. соч. С. 174.

¹³ Славова Т. Преславская редакция Кирилло-Мефодиевского староболгарского перевода Евангелия // Кирилло-Мефодиевские студии. Книга 6. София, 1989. С. 53–54.

¹⁴ Пентковская Т. В. К истории... С. 43.

III. С русской средой ТЕ-1 связывает наличие целого ряда русизмов на разных языковых уровнях. К фонетическим регионализмам относится реализация праславянского рефлекса **tort* в формах *огородъ* и *огородникъ* в ТЕ-1а от Матфея и Иоанна, *полотно* в ТЕ-1а от Матфея и Иоанна, развитие второго полногласия в формах *молонна* в ТЕ-1а от Матфея, *скоропни* в ТЕ-1а от Марка и Иоанна. Формы *молонна* и *скоропни* представлены также в чудовской редакции Нового Завета¹⁵. Наличие полногласных форм в разных списках ТЕ-1, в разных евангелиях и их устранение в ТЕ-1b может свидетельствовать о том, что данный восточнославянский рефлекс в данных словоформах является принадлежностью архетипа перевода. Праславянский рефлекс **ort* имеет в ТЕ-1 восточнославянскую огласовку в словах *роскопаются* и *роботаца*. В архетипе перевода ТЕ-1 присутствовали лексические русизмы: *цьпль* ‘убывание луны’, *огъиватнса* ‘опоясываться’, *ненадобу сътворити* ‘отвергнуть’, грецизм *оуксоуць*, характерный для русской традиции, *съньца* ‘сорная трава’, *оуроць длати* ‘платить подать’ и ещё не менее восемнадцати, названных другими исследователями. Лексема *слоуда* (*слоудьва*) ‘крутой берег, обрыв’, отмеченная А. А. Пичхадзе в ТЕ-1, присутствует как в толкованиях, так и в основном тексте (в ТЕ-1 от Матфея и Марка). В ТЕ-1 представлено два лексико-семантических русизма: *мльвнтн* ‘говорить’ и *погаратн* ‘стать огненно-красным, зардеться’. Из словообразовательных русизмов в ТЕ-1 во всех четырёх евангелиях представлены, сохраняющиеся во всех списках ТЕ-1а, абстрактные слова с суффиксом -тн-, а не -ниј-: *дръзнуотнѣ*, *мннуотнѣ*, *плюнуотнѣ*, *претъкнуотнѣ*, *стагнуотнѣ*, *тръсноутнѣ*, *оумытнѣ*, *нзмьтнѣ*.

IV. ТЕ-1 характеризуется наличием гапаксов – как лексемами, не отмеченными словарями, так и значениями лексем, не зафиксированными в вышедших изданиях словарей.

V. Ещё одной характерной чертой древнейшего перевода ТЕ-1 является глоссирование, причём глоссироваться могут как тривиальные грецизмы или славянские лексем, так и нетривиальные неосвоенные иноязычные вкрапления. Из домонгольских переводов, содержащих лексические русизмы, глоссирование неадаптированных

¹⁵ *Пентковская Т. В. К истории... С. 51–52.*

вкраплений встречается в ТА-1¹⁶, хорошо известных грецизмов – в Хронике Георгия Амартола, Пчеле¹⁷.

VI. ТЕ-1а характеризуется наличием некоторых чтений в евангельском тексте, не встречающихся в древней, преславской и афонской редакциях, но присутствующих в чудовской, куда они, по всей вероятности, были заимствованы из ТЕ-1.

VII.1. В ТЕ-1 представлено отличное от других редакций евангельского текста распределение лексемы $\epsilon\tau\epsilon\rho\zeta$, которая преимущественно соответствует греческому местоимению $\epsilon\tau\epsilon\rho\varsigma$. В этом толковый тип текста сходен с чудовской редакцией, которая полностью унифицирует этот принцип, не используя, в отличие от ТЕ-1, $\epsilon\tau\epsilon\rho\zeta$ в соответствии с $\tau\iota\varsigma$ ¹⁸. Представляется, что в ТЕ-1 зафиксирована переходная ситуация: переход от древней нормы употребления $\epsilon\tau\epsilon\rho\zeta$ в соответствии с $\tau\iota\varsigma$ к переводу лексемой $\epsilon\tau\epsilon\rho\zeta$ греческого местоимения $\epsilon\tau\epsilon\rho\varsigma$. Употребление лексемы $\epsilon\tau\epsilon\rho\zeta$ в значении ‘другой’ характерно для некоторых домонгольских переводов, имеющих ряд общих лексических черт с ТЕ-1: Хроники Георгия Амартола, Повести о Варлааме и Иоасафе и Христианской Топографии Козьмы Индикоплова¹⁹. ТЕ-1 типологически сближается с данными памятниками и в употреблении специфического сочетания $\psi\tau\omicron\rho\ \rho\alpha\delta\eta$, которое преобладает в ТЕ-1 в соответствии с $\tau\iota\nu\omicron\varsigma\ \epsilon\iota\kappa\epsilon\upsilon$.

VII.2.1. В ТЕ-1 частично унифицирован перевод греческих наречных форм $\epsilon\iota\varsigma\ \tau\acute{\iota}$, $\delta\iota\alpha\tau\acute{\iota}$, $\tau\iota\nu\omicron\varsigma\ \epsilon\iota\kappa\epsilon\upsilon$, $\acute{\iota}\nu\alpha\ \tau\acute{\iota}$ с синонимичным значением ‘почему, зачем, для чего’: для $\epsilon\iota\varsigma\ \tau\acute{\iota}$ преобладает перевод лексемой $\psi\tau\omicron\rho$, для $\acute{\iota}\nu\alpha\ \tau\acute{\iota}$ преобладает перевод лексемой $\psi\kappa\omicron\mu\omicron\upsilon$, $\delta\iota\alpha\tau\acute{\iota}$ переводится как $\psi\tau\omicron\rho$ и $\psi\tau\omicron\rho\ \rho\alpha\delta\eta$ (первый вариант перевода встречается в два раза чаще), $\tau\iota\nu\omicron\varsigma\ \epsilon\iota\kappa\epsilon\upsilon$ – как $\psi\tau\omicron\rho\ \rho\alpha\delta\eta$ и $\psi\tau\omicron\rho\tau\omicron$ (первый вариант перевода встречается в два раза чаще). В чудовской редакции, наоборот, унифицируется перевод именно греческого $\delta\iota\alpha\tau\acute{\iota}$, калькирующегося как $\psi\tau\omicron\rho\ \rho\alpha\delta\eta$.

¹⁶ *Пентковская Т. В., Индыченко А. А., Федорова Е. В.* К изучению толковой традиции домонгольского периода: Апостол и Евангелие с толкованиями // Лингвистическое источниковедение и история русского языка <2010–2011>. М.: Древлехранилище, 2011. С. 42.

¹⁷ *Пичхадзе А. А.* Указ. соч. С. 63, 290.

¹⁸ *Пентковская Т. В.* К истории... С. 36.

¹⁹ *Пичхадзе А. А.* Указ. соч. С. 232.

Наличие в ТЕ-1 специфического сочетания $\rho\alpha\delta\eta$ сближает этот перевод с Христианской топографией Козьмы Индикоплова, Хроникой Георгия Амартола, Повестью о Варлааме и Иоасафе и Пандектами Никона Черногорца, в которых также отмечается данная наречная форма²⁰.

VII.2.2. За синонимичными наречными лексемами в ТЕ-1 закрепляются отдельные славянские эквиваленты: греч. $\mu\acute{\alpha}\tau\eta\rho$ соответствует въсѡуѣ , $\epsilon\acute{\iota}\kappa\eta$ всегда переводится как ошуть , а $\delta\omega\rho\epsilon\acute{\alpha}\nu$ – как тѡуѣ без различения смысловых оттенков. Похожая ситуация представлена и в чудовской редакции, которая в ряде случаев демонстрирует зависимость от толкового типа текста²¹.

VII.3. Новшеством явился поморфемный перевод составного местоимения $\acute{\omicron}\sigma\tau\iota\varsigma$ как нже кто . Данный принцип перевода также является отличительной особенностью чудовской редакции, где, однако, представлена более полная парадигма составного вопросительно-относительного местоимения²².

VIII. Отличительной особенностью ТЕ-1 является стремление к достижению одинакового количества слов в славянском и греческом текстах в некоторых случаях. Полексемный перевод характерен и для древних редакций, однако были нередки случаи отступления от пословного принципа, когда несколько славянских слов переводили одно греческое слово. Так, глагол $\acute{\alpha}\kappa\omicron\lambda\omicron\upsilon\theta\acute{\epsilon}\omega$ в древней редакции евангельского текста имеет варианты перевода по мнѣ нтн и въ слѣдъ его нтн ²³. В ТЕ-1 стремление к переводу, в котором элементом перевода является слово, в случаях с глаголами, имеющими варианты перевода (одна лексема / глагольное словосочетание) практически доводится до логического завершения, что находит выражение в однозначном соответствии одной греческой лексемы одной славянской. Это касается, например, следующих глаголов: $\text{послѣдоватн} / \text{въслѣдоватн}$ – по мнѣ нтн , въ слѣдъ его нтн , $\text{плодъствнтн} / \text{плоднтн}$ – плоды творнтн , мнрѣ нмѣтн – мнрѣствоватн , $\text{пользѣватн} / \text{пользѡу нмѣтн}$,

²⁰ Пичхадзе А. А. Указ. соч. С. 315–316.

²¹ Пентковская Т. В. К истории... С. 26.

²² Там же. С. 82.

²³ Верещагин Е. М. Из истории возникновения первого литературного языка славян. Переводческая техника Кирилла и Мефодия. М.: Издательство Московского университета, 1971. С. 58.

БЛАГОДАРСТВЕНТН / БЛАГОДАРНТН – ХВАЛОУ ВЪЗДАТН, ВЪРОВАТН – НМЪТН ВЪРОУ, МОЛНТНСА – МОЛНТВОУ ДЪВАТН. Процесс стягивания словосочетаний в одиночные словоформы начинается ещё в древнеболгарском языке, однако носит несистемный характер; в Добромировом евангелии н. XII в., отражающем последующий этап развития древней редакции, Р. М. Цейтлин отмечает возрастание таких употреблений²⁴. В ТЕ-1 употребление одиночных глагольных словоформ уже становится преобладающим принципом, который позднее будет унифицирован правленными редакциями к. XIII–XIV вв., в частности – чудовской, чуть менее последовательно – афонской.

Следование пословному принципу перевода отражается в ТЕ-1 и в переводе греческой лексики *σεληνιαζόμενος* ‘лунатик’, которая в древних текстах всегда переводится несколькими славянскими лексемами. В греческом тексте ТЕ данная лексема встречается всего четыре раза, и три из них в ТЕ-1 ей соответствует перевод как *лунѣнствоуѣщнн*. Интересен перевод и самого глагола *σεληνιαζομαι* как *лунѣнствоуѣтъ*. Подобное чтение заимствует чудовская редакция, а тексты древней, преславской и афонской редакций используют перевод на *новы мѣца бѣсъноеть са*²⁵.

С другой стороны, в ТЕ-1 наблюдается тенденция к поморфемному калькированию слов, принадлежащих к другим частям речи, что в отдельных случаях может приводить к образованию словосочетаний. Так, например, в ТЕ-1 в соответствии с *οἰκοδεσπότης* не засвидетельствовано древнее чтение *домовнтъ*, встречается только перевод *домоу владыка / господннъ*. Кроме того, предпочтение переводчика ТЕ-1 калькировать внутреннюю структуру греческого слова сказывается на стремлении использовать сложносоставные слова вместо лексических грецизмов: *четверовластьць* вместо *тетрархъ* и *коуцамъ потъченне* вместо *скниопнгннъ*.

Глава вторая посвящена анализу грамматических особенностей ТЕ-1.

I. По соотношению старых и новых форм аориста ТЕ-1 ближе к текстам восточноболгарского и восточнославянского происхождения: так, рассмотренный мате-

²⁴ Цейтлин Р. М. Из наблюдений над лексикой Добромирова евангелия // Язык и письменность среднеболгарского периода. М.: Наука, 1982. С. 230.

²⁵ Евангелие от Матфея в славянской традиции / Издание подготовили А. А. Алексеев, И. В. Азарова, Е. Л. Алексеева, М. Б. Бабицкая, Е. И. Ванеева, А. А. Пичхадзе, В. А. Ромодановская, Т. В. Ткачева. СПб.: Российское библейское общество, 2005. С. 93.

риал рукописей показывает, что новые формы аориста *рекохъ*, *рекоша* в ТЕ-1 значительно преобладают над *рѣхъ*, *рѣша*.

II. Формы 1 л. ед. ч. *вѣмь* от глагола *вѣдѣти*, характерные для кирилло-мефодиевских переводов, и формы *вѣдѣ*, свойственные восточноболгарскому и русскому узусу²⁶, в ТЕ-1 от Марка и Матфея используются примерно поровну, а в ТЕ-1 от Иоанна значительно преобладает форма *вѣмь*. В двух группах домонгольских переводов, содержащих восточнославянские элементы в лексике, встречается разное соотношение форм *вѣмь* и *вѣдѣ*, поэтому ТЕ-1 по данному параметру нельзя отнести к одной из двух групп: в Хронике Георгия Амартола и Житии Василия Нового встречаются исключительно формы *вѣдѣ*, в Повести о Варлааме и Иоасафе число старых и новых форм совпадает, в Житии Андрея Юродивого отмечена только одна форма *вѣмь* на 38 *вѣдѣ* и её производных, в древнерусской Пчеле используется только форма *вѣмь*, однако в древнерусском переводе Истории Иудейской войны зафиксирована одна форма *вѣдѣ* наряду с 15 формами *вѣмь*²⁷.

III. В ТЕ-1 полностью отсутствуют формы местоимения *ѣто* и его производных от основы на *-ес-/-ьс-*, характерные для старославянских памятников, чем ТЕ-1 отличается от группы остальных домонгольских переводов, содержащих лексические русизмы и южнославянизмы, – там формы дательного и местного падежей местоимений *ѣто*, *ннѣто* и *нѣѣто* образуются исключительно от основы на *-ес-/-ьс-*²⁸. При этом местоимение *ѣто* от основы на *-ес-/-ьс-* используется в ТЕ-2. Такое же распределение представлено в переводах ТА: в ТА-1 – формы на *-го*, в ТА-2 – формы на *-ес-/-ьс-*.

IV. К морфологическим русизмам ТЕ-1, встречающимся во всех четырёх евангелиях во многих списках, относятся причастия *река*, *мога*, *боѹда*. Причастие *боѹда* в

²⁶ *Вайан А.* Руководство по старославянскому языку. М.: Издательство иностранной литературы, 1952. С. 348; *Пичхадзе А. А.* Переводческая деятельность... С. 325–326.

²⁷ *Пичхадзе А. А.* Указ. соч. С. 326–327.

²⁸ *Пичхадзе А. А.* Указ. соч. С. 315.

ТЕ-1, имеет, помимо восточнославянской флексии, семантику настоящего времени, что характерно для восточнославянских текстов²⁹.

V. Отличительной чертой ТЕ-1 является последовательное употребление форм настоящего исторического в толкованиях в соответствии с греческим настоящим историческим: так, в ТЕ-1 от Марка оно калькируется в 87,3% случаев (всего 303 примера в ТЕ-1 от Марка). Помимо данных случаев, возможны еще три варианта, из которых преобладает такой, когда греческий *praesens historicum* передается славянским аористом или имперфектом (44 случая), значительно реже – когда формам *praesens historicum* в славянском тексте соответствуют греческие аорист или имперфект (8 раз), а также возможно чередование в одном контексте форм аориста/имперфекта с презенсом НСВ при наличии в греческом тексте одних форм *praesens historicum* (7 случаев).

Из евангельских редакций *praesens historicum* систематически представлен только в чудовской³⁰. Почти все формы настоящего исторического в ТЕ-1 несовершенного вида (98,3%), и в большинстве случаев они имеют событийное значение (87,6%), то есть выступают в значении совершенного вида, что характерно для книжных памятников строгой нормы и значительно чаще встречается в более поздних текстах, тогда как вплоть до к. XIII в. переносное употребление презенса крайне редко. Все формы процессного настоящего исторического представлены презенсом несовершенного вида и передают действие в процессе его протекания. Широкое распространение *praesens historicum* наступает с к. XIII – нач. XIV вв., когда у южных славян возобновляется интенсивная переводческая деятельность, а с ней данный переводческий приём начинает активно проникать и в восточнославянские тексты³¹. ТЕ-1 представляет собой значительно более ранний текст, однако показывает похожие результаты с чудовской редакцией Нового Завета, которая считается одним из первых памятников на восточнославянской территории,

²⁹ Там же. С. 70.

³⁰ *Пентковская Т. В.* К истории... С. 112.

³¹ *Уржа А. В., Пентковская Т. В.* Переводческие стратегии в древних и современных текстах: настоящее историческое // Славистика (Београд). 2013. № XVII. С. 175; *Горбунова Е. А.* Функционирование настоящего исторического в восточнославянских памятниках XI–XIV веков // *Annali dell' Istituto universitario Orientale di Napoli (Dipartimento di studi dell'Europa orientale. Sezione Slavistica)*. Roma: AION SLAVISTICA, №5. 1998. С. 255.

содержащих последовательное употребление именно событийного настоящего исторического.

Третья глава посвящена анализу синтаксических особенностей ТЕ-1.

I. Тенденция к буквализмичности перевода проявляется в ТЕ-1а и в установке на пословный перевод, в частности, служебных слов. Так, вместо традиционного нѣсть в соответствии с οὐκ ἔστι, οὐδέις в ТЕ-1а появляется точное соответствие нн (нѣ) ѣсть, которое практически не встречается в других евангельских редакциях. В ТЕ-1b данное явление изредка встречается только в толкованиях.

II. В ТЕ-1а наблюдается способ цитирования евангельского текста с помощью сочетания ѣже (нже) то, где частица то выступает в роли релятивизатора. Подобные модели с релятивизирующей частицей, вводящие постпозитивные придаточные, характерны для оригинальных древнерусских текстов, включая новгородские берестяные грамоты³². Кроме того, они встречаются в переводах, в частности в древнерусском переводе Жития Андрея Юродивого³³. В ТЕ-1 данная конструкция, характеризующая архетип перевода, сохраняется не во всех списках: в ТЕ-1b релятивизатор устраняется.

Формально модель нже (ѣже) то соответствует греческим артиклям τὸ и τοῦ, вводящим цитату, и в ТЕ-1а им обычно соответствует конструкция с релятивизатором, а в ТЕ-1b просто ѣже. Модель нже (ѣже) то – преобладающий способ перевода в ТЕ-1а, однако и здесь могут встречаться другие варианты: ѣже, а ѣже ρεῖν или же греческий артикль может оставаться непереверждённым.

С одной стороны, модель нже то может рассматриваться как «результат “транспозиции” модели кѣто то на церковнославянскую почву», с другой стороны, её сво-

³² *Зализняк А. А.* Противопоставление относительных и вопросительных местоимений в древнерусском // Балто-славянские исследования. М., 1981; *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004.

³³ *Молдован А. М.* Из синтаксиса древнерусского перевода «Жития Андрея Юродивого» // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию Андрея Анатольевича Зализняка. М.: Индрик, 1996. С. 261.

бодное употребление и в препозитивных придаточных указывает на собственно русские истоки данной модели³⁴. Вариация *еже / нже то*, кажется, ничем не обусловлена.

Конструкции с релятивизатором в роли относительного союза встречаются в русских летописях, берестяных грамотах, Вопрошаниях Кирика, древнерусском переводе Жития Андрея Юродивого, а также в восходящих к болгарским оригиналам Изборнике 1076 г. и Синайском патерике³⁵. Кроме того, подобный способ введения цитат в толкованиях засвидетельствован в ТА-1. Ещё два текста, также входящие в круг толковых переводов и имеющие предположительно общее происхождение, – Толкования на Песнь Песней и Толкования Никиты Ираклийского на 16 Слов Григория Богослова – используют сочетание *еже то* для введения цитат³⁶.

Достаточно последовательное использование модели с релятивизирующей частицей для введения цитат во всех четырёх ТЕ свидетельствует о единовременности перевода всех частей ТЕ, а также является ещё одним свидетельством принадлежности толковых переводов к одной переводческой традиции.

III. ТЕ-1 отличает использование *тн* и в роли союза, и в роли частицы. Союз *тн* ‘и’ обычно соответствует греческим *καὶ* или *εἰθ*; лишь в редких случаях союзу *тн* нет соответствия в греческом тексте. В ТЕ-1b союз *тн* устраняется или заменяется нейтральным союзом *н*.

В отличие от союза *тн* ‘и’, частице *тн* нет соответствия в греческом тексте. Интересно, что она практически не устраняется в ТЕ-1b. В качестве частицы *тн* отмечено в ТЕ-1 только в несвободном употреблении в качестве релятивизатора при относительном наречии *какѡ* для усиления его относительной функции, в сочетании с кото-

³⁴ Зализняк А. А. Противопоставление... С. 102.

³⁵ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект... С. 193–194; Молдован А. М. Указ. соч. С. 261.

³⁶ Пичхадзе А. А. Лингвистические особенности славянских толковых переводов XI–XII вв. // Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики / XV Международный съезд славистов (Минск, 20–27 августа 2013 г.). Доклады российской делегации. М.: Древнелексанище, 2013. С. 250.

рым образуется конструкция, резюмирующая предшествующее высказывание. Подобные употребления встречаются в основном в церковнославянских текстах³⁷.

Наличие частицы *тн* в разных списках ТЕ-1а, в разных Евангелиях, а также того факта, что «после XII в. самостоятельное употребление частицы *тн* постепенно угасает; сохраняются лишь слитные единицы с ее участием»³⁸, свидетельствует о том, что случаи её употребления принадлежат архетипу перевода.

IV. Рассмотрение перевода греческих инфинитивных конструкций в ТЕ-1 показывает, что переводчик пытается отказаться от использования традиционных конструкций, содержащих личную форму глагола, которая не соответствует грамматическим формам в греческой конструкции. В тексте ТЕ-1а выявляется два основных способа перевода, в некоторых случаях вступающих между собой в конкуренцию: это инфинитивная конструкция или предложно-падежная форма, максимально удовлетворяющие требованиям славянского переводчика как наиболее соответствующие греческой конструкции: так, славянская инфинитивная конструкция полностью или частично калькирует строение греческой конструкции, а славянская предложно-падежная форма, с одной стороны, калькирует предлог, с другой – содержит отглагольное существительное, что соответствует осмыслению греческого инфинитива с предлогом как субстантивированной формы.

В ТЕ-1 практически не встречается полного калькирования инфинитива с предлогом и артиклем, налицо только тенденция к передаче в определенных случаях греческого инфинитива славянским инфинитивом: при переводе конструкции *πρὸ τοῦ + inf.* преобладает перевод отглагольным существительным с предлогом, реже – *преже + inf.*; в близкой по значению конструкции *πρὶν + inf.* преобладает перевод *преже + inf.*, потому что в греческом отсутствует артикль; конструкции *μετὰ τὸ + inf.* и *μετὰ τοῦ + inf.* всегда переводятся отглагольным существительным с предлогом; при переводе конструкции *ἐν τῷ + inf.* преобладают два варианта: предложно-падежная и инфинитивная конструкции с преобладанием последней; при переводе конструкции *εἰς τὸ +*

³⁷ Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). Т. VIII. М.: Наука, 1986. 302.

³⁸ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект... С. 197.

inf. преобладает традиционный перевод одиночным инфинитивом, ему уступает предложно-падежная конструкция; конструкция διὰ τὸ + inf. переводится преимущественно как зане + inf. и предложно-падежной формой; при переводе конструкции πρὸς τὸ + inf. преобладает предложно-падежная конструкция; при переводе целевой конструкции τοῦ + inf. преобладающий способ перевода – одиночный инфинитив; ἄπο τοῦ + inf., ἐκ τοῦ + inf., περὶ τοῦ + inf. в ТЕ-1 переводятся предложно-падежными конструкциями; при переводе конструкции τὸ + inf. ведущими способами перевода являются оборот еже + inf. и одиночный инфинитив. Оборот Асс. cum inf. в древней, преславской и афонской редакциях традиционно передавался личной конструкцией, однако уже в старославянских памятниках мог употребляться славянский оборот Dat. + inf.³⁹. В ТЕ-1 в евангельском тексте представлен именно этот способ перевода, причём с полным калькированием Асс. + inf. (используется вин. п. = род. п.).

Так как перевод ТЕ-1 обладает некоторыми чертами, которые впоследствии будут свойственны правленным редакциям (в частности, в употреблении калькированной греческой модели *взъегда + inf.*, которая станет основным вариантом перевода в чудовской редакции⁴⁰), можно сказать, что ТЕ-1 выступило предшественником правленных редакций, которые появятся в XIV в. и полностью унифицируют многие принципы перевода, заложенные переводчиком ТЕ-1.

В **Заключении** подводятся итоги лингвотекстологического исследования древнейшего перевода Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского.

Лингвотекстологический анализ первого перевода Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского показывает, что он представляет собой особый тип евангельского текста, созданный на базе поздней разновидности древнего текста с преславским влиянием, однако имеющий свои индивидуальные диагностические признаки.

В результате сопоставления славянских списков с греческим оригиналом было выявлено две основные редакции: ТЕ-1а – собственно первичный перевод, выполненный до 1117 г., и ТЕ-1б – текст, подвергшийся правке по афонской редакции. Из просмотренных списков лучше всего сохраняются чтения архетипа перевода в шести из

³⁹ Гадерка К. Сочетания субъекта, связанного с инфинитивом, в старославянских памятниках // *Slavia. Roč. T. XXXIII. Praha, 1964. С. 505–533.*

⁴⁰ Пентковская Т. В. К истории... С. 218.

них. Кроме того, могли возникать списки, в которых присутствовали особенности обеих редакций ТЕ-1. Среди принципов перевода – с одной стороны, буквализм, с другой – некоторая вариативность в лексике и при выборе синтаксических средств.

Исследование первого перевода ТЕ-1 – как основного текста, так и толкований – показало, что он имеет в своей основе некоторые древние и преславские черты. Сходство с древней традицией проявляется в передаче греч. местоимения τίς как єтеръ (однако непоследовательного), в переводе μάτην как всоує, в употреблении архаизма ашють, однако в предшествующей традиции не отмечается тенденции к разграничению синонимичных греческих наречных форм, тогда как в ТЕ-1 за синонимичными наречными лексемами закрепляются отдельные славянские эквиваленты: греч. μάτην соответствует въсоує, €ικη̄ всегда переводится как ошуть, а δωρεάν – как тоуне без различения смысловых оттенков. Похожая ситуация представлена и в чудовской редакции, которая в ряде случаев демонстрирует зависимость от толкового типа текста⁴¹.

Проанализированный материал показывает, что в ТЕ-1 представлен ряд преславских лексем, но далеко не все из них встречаются регулярно. В первую очередь для переводчика оказываются актуализированными те преславизмы, которые могут помочь решить ряд переводческих задач. Во-первых, в ТЕ-1а в выборе между грецизмом, кирилло-мефодиевской лексемой и преславизмом предпочтение отдаётся преславизму как наиболее прозрачно отражающему структуру сложносоставной греческой лексемы (например, старьшнна съборѣ вместо αρχισinnaγoγъ, съборнице вместо съньмнице, завъса вместо катаπεταγμα); если греческая лексема одноосновная, может быть употреблён и грецизм (например, нєрън). Во-вторых, вариативность ‘кирилло-мефодиевская лексема / преславизм’ может быть обусловлена разграничением нескольких значений одной греческой лексемы (например, греч. лексема η̄ σιιδών со значением ‘покрывало, накидка’ в ТЕ-1а переводится преславизмом понъва, для передачи значения ‘саван’ – лексемой плащаннца). Кроме того, в ТЕ-1 содержатся преславизмы, которые совпадают с восточнославянским узусом: пастоухъ, лъвън, пещера, печаль, мультипликативные наречия на -жды, – а также лексем, которые более час-

⁴¹ Пентковская Т. В. К истории... С. 26.

тотны на восточнославянской почве (нѣрън, подолъкъ). Употребление ряда преславизмов объединяет текст ТЕ-1 с чудовской редакцией евангельского текста.

С другой стороны, в ТЕ-1 представлено несколько восточноболгарских лексем, чуждых древнерусскому узусу, одна из которых – выражение въ рѣснотѣу ‘поистине’ – является исключительно переводческим решением для греческого наречия κηρίως ‘справедливо’, несколько других появляется спорадически. В употреблении данных восточноболгаризмов, не совпадающих с древнерусским узусом, ТЕ-1 сходно с двумя домонгольскими переводами, содержащими южнославянизмы и русизмы, – Толкованиями Никиты Ираклийского на 16 Слов Григория Богослова и Беседами на Шестоднев Севериана Гавальского. С другой стороны, довольно регулярное употребление кирилло-мефодиевской лексики понѣснѣтн сближает ТЕ-1 с подгруппой Хроники Георгия Амартола, в текстах которой также сочетаются южнославянизмы и русизмы, но её отличает ориентация на кирилло-мефодиевский узус.

Кроме того, в ТЕ-1 был расширен набор лексических грецизмов, некоторые из которых впоследствии будут характерны только для чудовской редакции (грамота, снапынын). При этом в ТЕ-1а были устранены некоторые древние грецизмы, восстановленные, однако, в ТЕ-1б.

ТЕ-1 отличает стремление переводчика к полексемному переводу: налицо тенденция к стягиванию глагольных словосочетаний в производное или сложное слово даже там, где имеется возможность воспроизвести два греческих корня глагола (например, в κηρποφορέω: плодѣствнѣтн, а не плодѣноснѣтн). С другой стороны, в отношении других частей речи преобладает поморфемный способ перевода, что не всегда может приводить к достижению одинакового количества слов в славянском и греческом текстах: следствием калькирования морфемной структуры греческого слова становится появление гапаксов или необычного местоименного сочетания нже кто на месте единой обобщённо-относительной греческой словоформы.

ТЕ-1 характеризуется наличием некоторых морфологических особенностей, характерных для восточнославянских памятников, однако не все из них могут восходить к протографу древнейшего перевода. Представляется наиболее вероятным, что формы местоимения ѣтъо и его производных с основой на -го, причастия типа боудѣа, а

также, возможно, аугмент в имперфекте восходят к архетипу перевода. По данным параметрам ТЕ-1 отличается от большинства домонгольских переводов, содержащих специфические южнославянизмы, в которых преобладают такие архаичные черты, как формы нетематического аориста типа ρ'ε'χ'ε, кирилло-мефодиевская форма в'ѡмь, формы местоимений на -εс-/-ѡс- и некоторые другие особенности.

Сопоставление языковых и специфических переводческих особенностей ТЕ-1 подтверждает, что они присущи определённому кругу домонгольских переводов, в первую очередь – толковой подгруппе, содержащей южнославянизмы и русизмы. Наибольшее сходство наблюдается с ТА-1, которое проявляется в наличии общих гречизмов *γραμμα* и *σναπ'ν'ν*, поморфемном калькировании составного относительного местоимения *ὅστις* как *нже кто*, глоссировании отдельных слов текста, употреблении некоторых общих русизмов, введении прямой речи аористом *в'ѡца*, а цитат – сочетанием *εже то*, в переводе греч. *ψιλόс* ‘простой’ как *высокнн*. В ряде отношений ТЕ-1 оказывается близок некоторым восточнославянским домонгольским переводам, которые при ближайшем рассмотрении оказываются далеко не однородными по своему составу и в отдельных случаях сближаются с переводами первой группы.

Анализ евангельского текста и его отношения к толкованию в ТЕ-1а установил единство переводческих принципов перевода основного текста и толкований: был выявлен ряд совпадений на лексическом уровне в области использования преславизмов и некоторых других лексем, общность синтаксических чтений состоит в способах передачи греческого субстантивированного инфинитива с предлогом инфинитивными или предложно-падежными конструкциями, однако это касается не всех видов греческих инфинитивных конструкций. В ТЕ-1b нередки случаи, когда редактуре подверглись только фрагменты евангельского текста. Однако в целом текст ТЕ-1а гетерогенен: основной текст не переводился заново, в нём представлено больше черт древнего текста, а также отражаются не все переводческие решения, систематически проявляющиеся в переводе толкований: так, настоящее историческое, последовательно употребляющееся в толкованиях в соответствии с греческим *praesens historicum*, в евангельском тексте ТЕ-1 представлено единичными случаями; кроме того, конструкции *ἐν τῷ + inf.*, *εἰς τὸ + inf.*, *διὰ τὸ + inf.* в евангельском тексте переводятся разнообразными способами, а в толкованиях унифицированы один-два основных спосо-

ба перевода. Однако несомненно, что и перевод толкований, и перевод-редактура основного текста принадлежит одному переводчику: в евангельском тексте регулярно встречается не кто, русизм *слуды* в соответствии с греч. ὁ κρημῖος ‘скала, утёс’ встречается как в толкованиях, так и в евангельском тексте, особый перевод лексемы *σεληνιαζομένης* ‘лунатик’ как *лунньствоующинн*, лексемы *кожанъ*, *въстоугы*, *сннапынъ*, отмеченные, помимо ТЕ-1, только в чудовской редакции, используются как в евангельском тексте, так и в толковании на него. Последовательное проявление отличительных особенностей ТЕ-1 представлено на протяжении всех четырёх евангелий.

Восточнославянский компонент присутствует и в евангельском тексте, и в толкованиях во всех рассмотренных списках. Это свидетельствует о том, что он восходит к архетипу перевода. Наличие одного переводчика позволяет сделать вывод, что перевод в том виде, в котором он дошел до нас в ТЕ-1а – восточнославянский по происхождению.

Основные результаты исследования отражены в следующих публикациях автора диссертации:

1. Федорова Е. В. Особенности лексического состава древнейшего перевода Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2013. № 4. С. 182–190.

2. Федорова Е. В. О синтаксических особенностях первого перевода Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 3 (53). С. 138–139.

3. Федорова Е. В. О соотношении полексемного и поморфемного перевода в древнейшем переводе Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. №5(71): в 3-х частях. Ч. 1. С. 159–163.

4. Федорова Е. В. Южнославянизмы в древнейшем переводе Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. №5(71): в 3-х частях. Ч. 1. С. 164–166.

5. Федорова Е. В. Настоящее историческое в древнейшем переводе Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского (на примере Евангелия от Марка) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017. № 2 (в печати).

6. *Федорова Е. В.* Функционирование вопросительно-относительных местоимений в Толковом Евангелии Феофилакта Болгарского (по материалам рукописи XVI в.) // XII Межвузовская научная конференция студентов-филологов. Тезисы. Часть 1. 13–18 апреля 2009 г. СПбГУ, 2009. С. 13–18.

7. *Федорова Е. В.* Перевод составных местоимений и наречий в Толковом Евангелии от Марка Феофилакта Болгарского (по материалам рукописи XVI в.) // Материалы докладов XVI Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» / Отв. ред. И. А. Алешковский, П. Н. Костылев, А. И. Андреев. [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2009. 1 электрон. опт. диск. (CD-ROM); 12 см. ISBN: 978-5-317-02774-2.

8. *Федорова Е. В.* Некоторые особенности перевода инфинитивных конструкций в Толковом Евангелии от Марка Феофилакта Болгарского (по материалам двух рукописей XVI в.) // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2010» / Отв. ред. И. А. Алешковский, П. Н. Костылев, А. И. Андреев, А. В. Андриянов. [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2010. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM); 12 см. ISBN: 978-5-317-03197-8.

9. *Федорова Е. В.* К синтаксису первого перевода Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского (по материалам Евангелия от Марка) // XIII Межвузовская научная конференция студентов-филологов. Тезисы. Часть 1. 5–10 апреля 2010 г. Санкт-Петербург, 2010. С. 50–51.

10. *Пентковская Т. В., Индыченко А. А., Федорова Е. В.* К изучению толковой традиции домонгольского периода: Апостол и Евангелие с толкованиями // Лингвистическое источниковедение и история русского языка <2010–2011>. Древлехранилище Москва, 2011.

11. *Федорова Е. В.* Толковое Евангелие от Марка Феофилакта Болгарского в русской традиции // XIV Международная научная конференция студентов-филологов. Тезисы. Часть 2. 4–8 апреля 2011 года. Санкт-Петербург, 2011. С. 20–21.

12. *Федорова Е. В.* Лексические особенности Толкового Евангелия от Марка Феофилакта Болгарского // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2011» / Отв. ред. А. И. Андреев, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов, М. В. Чистякова. [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2011. С. 547–548. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM); 12 см. ISBN: 978-5-317-03634-8.

13. Федорова Е. В. О редакциях первого перевода Толкового Евангелия от Марка Феофилакта Болгарского // II Международный симпозиум Славянские языки и культуры в современном мире. МГУ. М.: Издательство Московского университета, 2012. С. 71–72.

14. Федорова Е. В. Лексические грецизмы в древнейшем переводе Толкового Евангелия от Марка Феофилакта Болгарского // Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції «Актуальні проблеми навчання іноземних мов та перекладу». Тези доповідей. Освіта України Київ, 2013. С. 103–105.

15. Федорова Е. В. К вопросу о южнославянизмах в первом переводе Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2013» / Отв. ред. А. И. Андреев, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов, М. В. Чистякова. [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2013. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM); 12 см. ISBN: 978-5-317-04429-9.

16. Федорова Е. В. Особенности перевода инфинитивных конструкций в Толковом Евангелии от Луки Феофилакта Болгарского // Beitrage der Europaeischen Slavistischen Linguistik (POLYSLAV). 2014. Т. 17. С. 39–45.

17. Федорова Е. В. Индивидуальные чтения толковой редакции евангельского текста // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2015» / Отв. ред. А. И. Андреев, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов. [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2015. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM); 12 см. ISBN: 978-5-317-04946-1.

18. Федорова Е. В. Настоящее историческое в древнейшем переводе Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского (на примере Евангелия от Марка) // III Международный научный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире». Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, 23–26 мая 2016 г. Труды и материалы / Под ред. М. Л. Ремнёвой. Макс Пресс Москва, 2016. С. 119–120.

19. Федорова Е. В. Об особенностях полексемного и поморфемного перевода Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2017» / Отв. ред. И. А. Алешковский, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов. [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2017. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM); 12 см. ISBN: 978-5-317-05504-2.